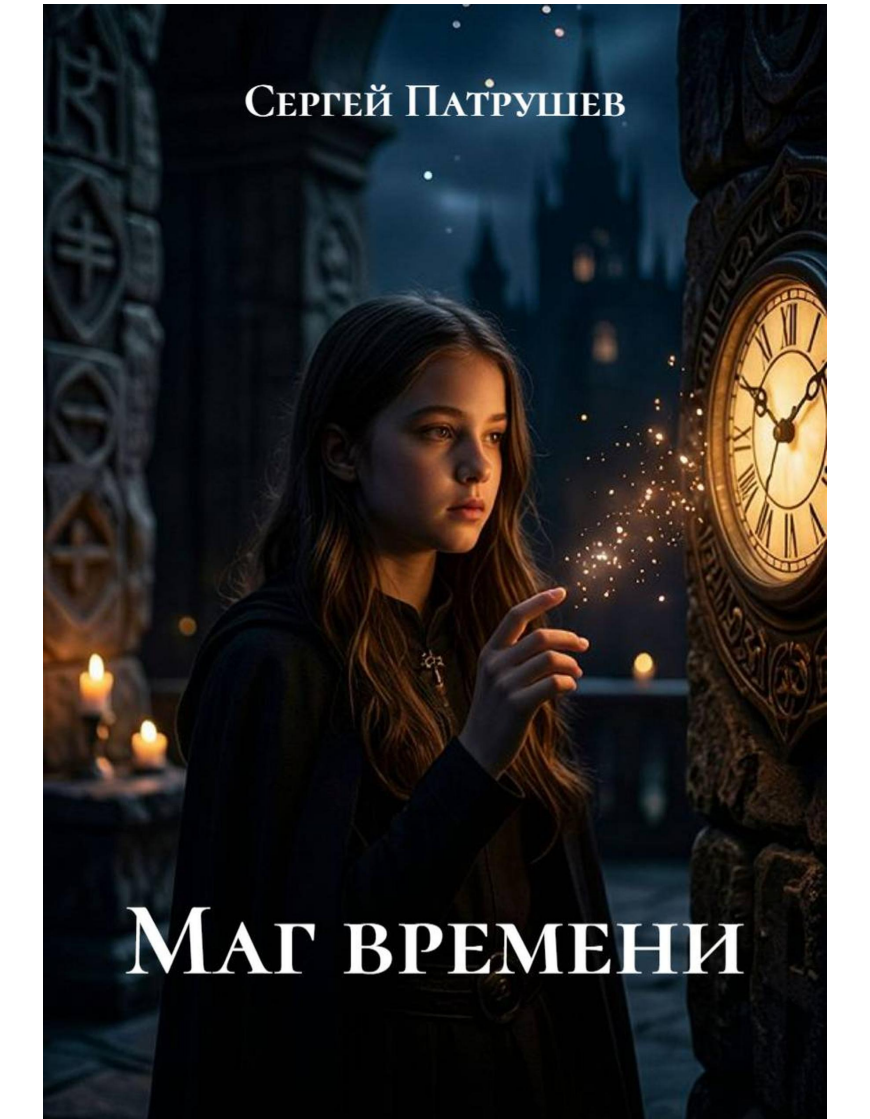

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

МАГ ВРЕМЕНИ

Сергей Патрушев

Маг времени

<https://litres.ru/74630362>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Империи Скай, где император Леон молчит уже двадцать лет, а тайная организация «Тень» душист города, живёт сирота Алиса. Она моет полы в храме Времени и слышит то, чего не слышат другие. Шёпот часов. В ночь своего семнадцатилетия узнаёт правду: она последний маг времени, способный менять судьбы людей.

Купец Вейн на грани разорения. Аристократка Лили вынуждена выйти замуж за убийцу. Красотка Джейн не доживёт до утра. Вор Дэкон обречён на смерть от рук «Тени».

Алиса может спасти каждого, но каждое вмешательство создаёт рябь, и время начинает плести новую паутину. А где-то в тени ждёт Мастер — маг, который хочет её силу, чтобы отомстить императору.

Содержание

Глава 1. Тени под кожей	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Патрушев

Маг времени

Глава 1. Тени под кожей

Морозный воздух Большого театра пах дорогим парфюмом и старой пылью, поднимающейся из-под бархатных кресел. Анна стояла за кулисами, прижавшись спиной к холодной кирпичной стене. Пальцы нервно теребили край атласной ленты на корсете. Сегодняшний вечер должен был стать её триумфом, но предчувствие липкой тревоги не отпускало с самого утра. Из зала доносился приглушённый гул сотен голосов, сливающийся в единый, живой организм. Свет лампы казался слишком ярким, почти агрессивным, когда она украдкой выглянула из-за тяжёлой кулисы. Мария Николаевна, строгая наставница и педагог, подошла сзади и положила ледяную ладонь на плечо девушки.

— Дыши глубже, Аня, — прошептала женщина, поправляя выбившуюся прядь тёмных волос. — Твоя партия сегодня — не просто танец. Это исповедь. Не думай о зрителях, думай о том, что болит внутри.

— Болит слишком сильно, — отозвалась танцовщица, чувствуя, как горло сжимает спазм. — Мне кажется, я не смогу выйти. Ноги ватные, а сердце колотится где-то в горле.

— Страх — это топливо, — Мария Николаевна развернула её лицом к себе, вглядываясь в огромные, полные слёз глаза. — Ты не имеешь права на слабость. Публика пришла за твоей болью, так отдай её всю до капли. Ты — не просто балерина. Ты — жрица на алтаре.

Анна кивнула, проглатывая солёный ком. Слова наставницы не успокоили, но вернули привычную дисциплину. Раздался первый аккорд увертюры. Мелодия Прокофьева пронзила воздух, заставляя вибрировать каждую струну души. Выход на сцену всегда напоминал прыжок в ледяную пропасть. Шаг, ещё шаг, и свет ослепил, отрезая прошлое. Партнёр, Алексей, уже ждал в центре, протягивая руку. В его глазах читалось привычное, чуть снисходительное спокойствие. Он был надёжен, как скала, но сегодня его уверенность раздражала. Анна вложила дрожащие пальцы в его широкую ладонь. Музыка подхватила, закружила, требуя полной отдачи.

Движения были отточены до автоматизма, но каждый поворот отзывался тупой болью в стопах. Зал замер, наблюдая за историей Джульетты, которая прощалась с жизнью. Взмах руки, прыжок, замирание в воздухе на долю секунды. В этот момент Анна почувствовала, как зал взорвался аплодисментами, но звук показался далёким и неважным. Главное было здесь, в этом идеальном равновесии между реальностью и вымыслом. После финального поклона, когда занавес опустился, эйфория схлынула, оставив после себя звенящую пустоту. Гримёрка встретила её тишиной и запахом сцениче-

ского клея. Зеркало отражало бледное лицо с искусственным румянцем и потёками туши.

— Ты была неподобна, — Алексей вошёл без стука, уже переодетый в строгий костюм. — Публика рыдала. Кажется, ты сегодня переплюнула саму себя.

— Спасибо, — сухо бросила балерина, начиная снимать макияж ватным диском. — Мне нужно побыть одной.

— Не будь ледышкой, Анна, — он присел на край туалетного столика, скрестив руки на груди. — Мы отлично танцевали. Пойдём в ресторан, отпразднуем? Там вся труппа, вино уже заказано.

— Я устала, — пальцы дрожали, когда она сдирала ресницы. — Правда, просто устала. Иди без меня.

Алексей тяжело вздохнул, поднимаясь. Обида мелькнула в его тёмных глазах, но он сдержался. Дверь закрылась с лёгким щелчком. Оставшись одна, Анна уронила голову на сложенные руки. Странное чувство дежавю не покидало её весь вечер. словно каждое па было репетицией чего-то давно забытого. Сняв пуанты, она долго растирала онемевшие пальцы. В коридоре слышались тяжёлые шаги. Дверь снова скрипнула, но на этот раз на пороге стоял незнакомец. Мужчина в тёмном пальто, с резкими чертами лица и пронзительным взглядом серых глаз. Он не извинился за вторжение, лишь молча смотрел на неё, застывшую у зеркала.

— Кто вы? — голос сорвался на шёпот, хотя должна была кричать. — Здесь служебное помещение. Как вы прошли

охрану?

— Меня зовут Дмитрий Воронов, — произнёс гость низким, бархатистым голосом. — Простите за вторжение. Я не мог не зайти. Ваш танец... он разбудил то, что должно было спать вечно.

— Что за чушь? — Анна нахмурилась, инстинктивно натягивая на плечи пуховый платок. — Если вы поклонник, то выход там. Автографы я не даю.

— Я не поклонник, — мужчина сделал шаг вперёд, и свет лампы упал на его лицо, высветив глубокий шрам над бровью. — Я тот, кто знает, откуда взялся этот танец. Точнее, от кого.

По спине пробежал холодок. В его словах не было угрозы, но интонация заставляла сердце сжаться. Анна попятилась, упираясь поясницей в туалетный столик. Баночки с гримом задребезжали. Незнакомец остановился, подняв руки в примирительном жесте. На его левом запястье блеснул старинный перстень с тёмным камнем.

— Вы пугаете меня, — призналась девушка, стараясь говорить твёрдо. — Уходите, или я вызову полицию.

— Вы не вызовете, — усмехнулся Дмитрий, но улыбка вышла горькой. — Потому что чувствуете: я говорю правду. Сегодня вы танцевали не Прокофьева. Вы танцевали свою собственную смерть. И это было прекрасно.

— Вы сумасшедший, — выдохнула Анна, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Я танцевала партию Джульетты.

Всё по нотам, всё по классике.

— Ноты — лишь ширма, — он подошёл ещё ближе, и теперь она чувствовала запах мороза и старого дерева, исходящий от его пальто. — Ваши движения были слишком точными. Слишком знакомыми. Вы повторяли то, что случилось здесь много лет назад. В этом самом театре.

— Я не понимаю, о чём вы, — руки опустились, бессильно сжимая край платка. — Уходите. Пожалуйста.

— Я уйду, — согласился Воронов, но не сдвинулся с места. — Но сначала вы должны кое-что узнать. Ваша мать, Елена, тоже танцевала здесь. И она танцевала эту же партию. В тот вечер, когда она исчезла.

Кровь отхлынула от лица. Мать Анны умерла, когда девочке было пять лет. Официальная версия — несчастный случай, падение с лестницы в старом доме. Но в семье об этом никогда не говорили. Тайна окружала её детство плотным туманом. И вот теперь этот странный человек стоял в её гримёрке и произносил невозможные вещи.

— Моя мать не танцевала здесь, — прошептала Анна, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугий узел. — Она была пианисткой. Она преподавала в консерватории.

— Ложь, — резко бросил Дмитрий. — Елена Ветрова была примой-балериной. Лучшей за всю историю этого театра. И она погибла не от падения. Она сгорела. В буквальном смысле. Прямо на сцене, во время исполнения этой самой роли.

В комнате повисла тишина, звенящая, как натянутая струна. Анна смотрела на незнакомца, и в её глазах отражался ужас пополам с недоверием. Слова казались бредом, но что-то внутри, древнее и тёмное, отзывалось на них. Словно память тела, память крови пробуждалась от долгого сна.

— Вы лжёте, — голос предательски дрогнул. — Это большая фантазия. Мой отец говорил...

— Ваш отец много чего говорил, — перебил Воронов, и в его голосе послышалась сталь. — Он пытался защитить вас. Но правда всё равно всплывёт. Сегодня вы чувствовали это? Чувствовали, как огонь бежит по венам вместо крови?

Да, она чувствовала. Тот жар, который охватил её в середине второго акта. Тогда она списала это на адреналин. Но сейчас, глядя в серые глаза незнакомца, понимала: это было что-то другое. Что-то, что жило в ней с рождения.

— Что вам нужно? — спросила Анна, и в голосе впервые прозвучала не защита, а слом. — Зачем вы пришли? Кто вы такой?

— Я тот, кто был там, — Дмитрий отвёл взгляд, и на его лице промелькнула тень боли. — В ту ночь, когда всё случилось. Я был совсем мальчишкой, сыном осветителя. Я видел, как она горела. И я видел, кто это сделал.

— Кто? — вырвалось у неё прежде, чем она успела подумать.

— Это не так просто, — мужчина покачал головой. — Если я скажу сейчас, вы не поверите. Слишком много лет про-

шло. Слишком много лжи впиталось в эти стены. Но я могу показать. Завтра, в полночь. Здесь. В подвале, где хранятся старые декорации.

— Вы сумасшедший, — повторила Анна, но уже без прежней уверенности. — Я не приду. Это опасно.

— Придёте, — Воронов достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и положил на столик. — Здесь фотография. Посмотрите. Ваша мать в костюме Джульетты. Тот самый костюм, который сегодня надели на вас.

С этими словами он развернулся и вышел, бесшумно прикрыв дверь. Анна осталась одна, дрожащая, растерянная. На ватных ногах она подошла к столику. Руки тряслись, когда разворачивала бумагу. С фотографии, пожелтевшей от времени, на неё смотрела молодая женщина с точь-в-точь её лицом. Только глаза были другими — более тёмными, более глубокими. Женщина стояла на сцене Большого, в костюме, который теперь висел на вешалке в углу гримёрки. Анна прижала снимок к груди, чувствуя, как слёзы обжигают щёки. Это было неопровержимо. Мать. Её настоящая мать. И она была балериной.

Утро встретило город серым, промозглым туманом. Анна не сомкнула глаз всю ночь, ворочаясь в постели и всматриваясь в темноту. Фотография лежала на тумбочке, и каждый раз, когда она включала свет, сердце пропускало удар. В девять утра нужно было быть на репетиции, но мысли разбегались, как испуганные птицы. В театре всё было привычным:

запах кулис, гул голосов, скрип половиц. Но сегодня стены будто шептали что-то злое. Алексей ждал в балетном зале, разминаясь у станка.

— Ты выглядишь ужасно, — заметил он, окинув её критическим взглядом. — Что случилось? Ночные кошмары?

— Бессонница, — коротко ответила Анна, снимая тёплую кофту. — Просто бессонница.

— Может, тебе стоит взять выходной? — партнёр подошёл ближе, и в его глазах мелькнула искренняя забота. — Ты бледная как мел. Мария Николаевна поймёт.

— Нет, — резко ответила девушка, вставая к станку. — Работа — лучшее лекарство. Начнём с адажио.

Музыка заиграла, и тело послушно отозвалось на знакомые аккорды. Но в каждом движении чувствовалась скованность, словно невидимые нити опутывали руки и ноги. Алексей поддерживал её, но его прикосновения казались чужими. После репетиции, когда все разошлись, Анна осталась в зале. Она села на пол, прислонившись спиной к зеркальной стене. В голове стучала одна мысль: идти или не идти. В полночь. В подвал. К незнакомцу, который знает слишком много. Здравый смысл кричал об опасности, но что-то более сильное тянуло вниз, в темноту. Любопытство? Или голос крови?

В коридоре слышались шаги. В зал вошла Мария Николаевна, держа в руках старый альбом в кожаном переплёте. Педагог выглядела встревоженной, губы сжаты в тонкую линию. Она подошла и села рядом, не говоря ни слова.

Несколько минут они молчали, глядя на пустую сцену через призму зеркал.

— Я знала, что это случится, — наконец произнесла женщина, и в её голосе звучала усталость. — Ты встретила его. Воронова.

— Откуда вы... — Анна резко повернулась, глядя на наставницу с изумлением. — Вы знаете его?

— Знала его отца, — Мария Николаевна открыла альбом. На первой странице была та же фотография, что лежала сейчас в сумке Анны. — И знала твою мать. Мы вместе учились. Елена была гением. Но у гения всегда есть тёмная сторона.

— Почему вы молчали? — в голосе девушки смешались обида и гнев. — Всю жизнь. Вы знали, кто я. Знали, что моя мать...

— Я обещала твоему отцу, — педагог закрыла альбом, и на её глазах выступили слёзы. — Он хотел защитить тебя. Увезти из Москвы. Забыть всё, как страшный сон. Но театр не отпускает. Ты вернулась сама. Судьба сильнее нас.

— Что случилось с мамой? — Анна схватила женщину за руку, сжимая пальцы до боли. — Скажите мне правду. Я имею право знать.

— Правда опасна, — Мария Николаевна покачала головой. — Воронов расскажет тебе больше. Он был там. Он видел. Но прежде чем идти к нему, ответь себе на один вопрос: готова ли ты узнать, что ты — не та, кем себя считаешь?

— Я балерина, — прошептала Анна, но слова прозвучали

неубедительно даже для неё самой.

— Ты больше, чем балерина, — наставница поднялась, опираясь на руку девушки. — Ты — наследница. И у наследства есть цена. Помни об этом, когда спустишься в подвал. И возьми это.

Она протянула Анне маленький ключ, потемневший от времени. Металл был холодным, почти ледяным. Ключ от чего-то старого, забытого, спрятанного в недрах театра.

— Что это? — спросила девушка, сжимая ключ в кулаке.

— Ключ от гримёрки твоей матери, — ответила Мария Николаевна. — Она закрыла её в тот вечер. Больше никто туда не входил. Двадцать лет. Пора открыть.

С этими словами педагог ушла, оставив Анну одну в пустом зале. Девушка смотрела на ключ, и сердце билось где-то в горле. Двадцать лет. Целая жизнь. Всё это время дверь была заперта, и никто не смел войти. Но сегодня ночью всё изменится.

До полуночи оставалось ещё много времени, но Анна не могла найти себе места. Она бродила по коридорам театра, касаясь пальцами холодных стен. Казалось, что стены помнят прикосновения её матери. В каждом углу чудился призрачный силуэт в белой пачке. Ближе к вечеру она спустилась в архив, где хранились старые афиши и программы.

Пыль стояла столбом, пахло бумагой и мышами. Среди стеллажей она нашла программку того самого рокового спектакля. Дата: двенадцатое ноября. Фамилия балерины:

Ветрова. И фотография — та же, что у неё в сумке. Анна провела пальцами по глянцевой бумаге, чувствуя странное единение с прошлым. В этот момент в архиве погас свет. Темнота накрыла внезапно, плотно, как одеяло. Девушка вздрогнула, прижимая программку к груди. Где-то в глубине театра послышался скрип. Шаги. Медленные, тяжёлые. Кто-то шёл по коридору, приближаясь к архиву. Анна затаила дыхание, вжимаясь в стеллаж. Дверь скрипнула, открываясь. В проёме показался силуэт с фонарём в руке. Луч света скользнул по полкам, по лицу девушки, ослепив на мгновение.

— Кто здесь? — раздался голос Алексея. — Анна? Ты? Что ты делаешь в архиве в такое время?

— Я... искала кое-что, — пробормотала она, прикрывая глаза рукой. — А ты?

— Искал тебя, — партнёр шагнул внутрь, и свет фонаря заплясал по стенам. — Ты ведёшь себя странно весь день. Я волнуюсь. Пойдём отсюда, тут жутко.

— Не могу, — Анна покачала головой, отступая. — Мне нужно кое-что сделать. Одна.

— Что за секреты? — в голосе Алексея послышалось раздражение. — Мы партнёры. Мы вместе уже три года. Почему ты закрываешься от меня?

— Это не твоё дело, — резко бросила девушка, и сама испугалась своей грубости. — Прости. Но это правда касается только меня. И моей семьи.

— Семьи? — Алексей нахмурился. — У тебя нет семьи.

Ты сирота. Ты сама мне говорила.

— Я ошибалась, — прошептала Анна, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. — Я много в чём ошибалась.

Повисла пауза. Алексей смотрел на неё, и в его глазах читалась борьба между обидой и желанием понять. Наконец он опустил фонарь, и свет упал на пол, оставив их лица в полумраке.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Делай, что должна. Но если тебе понадобится помощь... я рядом.

Он ушёл, и шаги его затихли в глубине коридора. Анна осталась одна в тёмном архиве, сжимая программку и ключ. До полуночи оставалось два часа. Время тянулось мучительно медленно. Девушка вернулась в гримёрку и села перед зеркалом. Отражение смотрело на неё усталыми, но полными решимости глазами. Она нанесла немного пудры, подкрасила губы. Зачем? Сама не знала.

Может быть, хотела выглядеть достойно перед лицом прошлого. Без пяти минут двенадцать Анна вышла в коридор. Театр спал, погружённый в темноту и тишину. Только дежурные лампы тускло светили у служебного выхода. Девушка шла по знакомым коридорам, но сегодня они казались чужими, враждебными. Спуск в подвал был узким и крутым. Ступени скрипели под ногами, и каждый звук отдавался эхом в пустоте. Внизу пахло сыростью и старым деревом. Вдоль стен громоздились декорации прошлых лет: замки, колонны, задники с нарисованными садами. Анна включи-

ла фонарик на телефоне, и луч выхватил из темноты фигуру Воронова. Он стоял у дальней стены, рядом с массивной дверью.

— Вы пришли, — произнёс мужчина, и в его голосе не было торжества. Только тихая печаль. — Я знал, что вы придёте.

— Я хочу знать правду, — Анна шагнула вперёд, и голос её звучал твёрдо. — Всю правду. Без утайки.

— Правда в этой комнате, — Дмитрий кивнул на дверь. — За ней — гримёрка вашей матери. Ключ у вас?

Девушка достала ключ, и металл блеснул в свете фонаря. Руки дрожали, когда она вставила его в замочную скважину. Замок щёлкнул, и дверь со скрипом отворилась. В лицо пахнуло затхлым воздухом, смешанным с запахом розового масла. Того самого масла, которое Анна иногда чувствовала в своих снах. Луч фонаря скользнул по стенам, освещая зеркало в тяжёлой оправе, туалетный столик с пыльными баночками, вешалку с костюмом. Всё было покрыто слоем пыли, но казалось, что время здесь остановилось. На столике лежал дневник в бархатной обложке. Анна подошла и взяла его. Страницы были исписаны мелким, изящным почерком. Это был почерк её матери.

— Она знала, что умрёт, — тихо сказал Воронов, стоя на пороге. — В последней записи она пишет об этом. Прочтите.

Анна открыла последнюю страницу. Слова расплывались перед глазами, но она заставила себя вчитаться. «Сегодня

я танцую в последний раз. Я знаю, что он придёт за мной. Огонь уже близко. Но я не боюсь. Я боюсь только за Анну. Она должна жить. Она должна танцевать. Но не здесь. Не в этом театре. Пока здесь он. Тот, кто носит маску друга. Тот, кто убил меня из ревности. Прости меня, доченька. Я люблю тебя».

Слёзы хлынули из глаз, размывая чернила. Анна прижала дневник к груди, чувствуя, как внутри что-то ломается. Двадцать лет лжи. Двадцать лет притворства. Мать знала. Мать предвидела. И всё равно вышла на сцену.

— Кто он? — прошептала девушка, поднимая заплаканные глаза на Воронова. — Кто её убил?

— Тот, кого вы знаете, — Дмитрий шагнул в комнату, и его лицо стало жёстким. — Тот, кто был рядом с вами все эти годы. Кто учил вас, поддерживал, направлял. Тот, кто больше всех боялся, что вы узнаете правду.

— Мария Николаевна? — Анна отшатнулась, не веря своим ушам. — Но она... она была её подругой. Она плакала, когда говорила о ней.

— Она была влюблена в неё, — Воронов покачал головой. — И когда Елена отказала ей, когда выбрала вашего отца... Мария не смогла смириться. Это была не ревность соперницы. Это было безумие. Она подожгла декорации во время финальной сцены. Елена не успела убежать. Все решили, что это несчастный случай. Никто не догадался.

— Но вы знали, — Анна смотрела на него, и в её глазах

закипала ярость. — Вы знали и молчали. Двадцать лет.

— Я был ребёнком, — Дмитрий опустил голову. — Сын осветителя. Мне никто не поверил бы. А потом... потом я уехал. Вернулся только сейчас. Узнал, что вы танцуете здесь. Понял, что всё повторяется.

— Что повторяется? — девушка сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— Мария готовит вас к той же участи, — голос Воронова дрогнул. — Она хочет, чтобы вы сгорели так же, как ваша мать. В финале «Ромео и Джульетты». Она одержима. Она считает, что только огонь может очистить талант. Что только смерть на сцене сделает вас бессмертной.

В этот момент где-то наверху хлопнула дверь. Шаги. Быстрые, решительные. Анна и Дмитрий замерли, глядя друг на друга. Шаги приближались к подвалу. В свете фонаря на лестнице показалась фигура в чёрном. Мария Николаевна. В её руках была канистра. Запах бензина ударил в нос, едкий и тошнотворный.

— Я знала, что вы будете здесь, — произнесла женщина, и голос её звучал спокойно, почти нежно. — Ты всегда была упрямой, Аня. Как твоя мать. Но это не спасёт. Огонь всё равно придёт. Он уже здесь. Я принесла его.

— Мария Николаевна, остановитесь, — Дмитрий шагнул вперёд, заслоняя Анну. — Это безумие. Вы не можете убить её.

— Я не убиваю, — женщина улыбнулась, и улыбка была

страшной. — Я освобождаю. Танец должен быть завершён. Она должна сгореть на сцене, как её мать. Это единственный способ достичь совершенства.

Анна смотрела на наставницу, и в душе боролись страх и жалость. Перед ней стояла сломанная женщина, чья любовь превратилась в одержимость, а одержимость — в безумие. Двадцать лет она ждала этого момента. Двадцать лет готовила свою жертву.

— Вы не сделаете этого, — Анна шагнула вперёд, отстраняя Воронова. — Я не моя мать. И я не позволю сжечь себя ради ваших фантазий.

— Позволишь, — Мария Николаевна открыла канистру. — Потому что иначе ты никогда не узнаешь, на что способна. Ты боишься. Ты всегда боялась. Но страх — это топливо. Помнишь? Я учила тебя.

— Вы учили меня убивать себя, — голос девушки окреп, наполнился силой. — Но я выбираю жизнь. И я выбираю правду. Даже если она уродлива.

Мария Николаевна занесла руку, чтобы плеснуть бензин, но в этот момент Дмитрий бросился вперёд и перехватил её запястье. Канистра упала, жидкость разлилась по полу, но не воспламенилась. Женщина вскрикнула, пытаясь вырваться. Анна подбежала и схватила её за плечи. Вместе они удерживали обезумевшую наставницу, пока та билась в истерику. Слёзы текли по морщинистым щекам, крик переходил в хрип.

— Я любила её! — кричала Мария Николаевна. — Я любила её больше жизни! А она выбрала его! Она выбрала смерть! Я хотела сохранить её танец! Я хотела, чтобы он жил вечно!

— Танец жив, пока живы мы, — тихо сказала Анна, отпуская женщину. — Но не ценой смерти. Никогда.

В подвале стало тихо. Только всхлипывания Марии Николаевны нарушали тишину. Дмитрий поднял канистру и отставил в сторону. Анна смотрела на свою наставницу, и в её сердце не было ненависти. Только пустота и усталость. Двадцать лет лжи. Двадцать лет боли. И вот теперь всё рухнуло.

— Я вызову полицию, — сказал Воронов, доставая телефон. — Она должна ответить за то, что сделала.

— Подождите, — Анна подняла руку. — Дайте мне минуту.

Она подошла к Марии Николаевне и присела рядом. Женщина сжалась, ожидая удара, но девушка лишь коснулась её руки.

— Я не прощаю вас, — произнесла Анна. — Но я понимаю. Вы потеряли рассудок от любви. Это страшно. Но это не оправдание. Вы убили мою мать. И пытались убить меня. Теперь вы ответите перед законом.

— Ты так похожа на неё, — прошептала Мария Николаевна, поднимая на неё заплаканные глаза. — Тот же взгляд. Та же сила. Я думала, что смогу закончить то, что начала. Но ты сильнее. Ты не сгорела.

— Я не сгорю, — Анна поднялась. — Никогда.

В этот момент на лестнице послышались шаги. В подвал вбежал Алексей, за ним — двое охранников. Увидев сцену, партнёр замер, переводя взгляд с Анны на Марию Николаевну, на разлитую жидкость и канистру.

— Что здесь происходит? — выдохнул он. — Я услышал крики...

— Всё кончено, — ответила Анна, подходя к нему. — Всё наконец кончено.

Она взяла его за руку, и в этом простом жесте было больше тепла, чем во всех словах, сказанных за последние сутки. Алексей сжал её пальцы, и она почувствовала, что не одна. Что есть кто-то, кто поддержит, кто выслушает, кто поверит.

Полиция приехала быстро. Марию Николаевну увезли, бледную и сломленную. Дмитрий дал показания, и его слова, подкреплённые дневником Елены, стали решающими. Когда всё закончилось, Анна вышла из театра на улицу. Был уже четвёртый час ночи. Небо над Москвой было тёмным, но в нём появляться первые проблески рассвета. Девушка стояла на крыльце, вдыхая морозный воздух. Внутри всё болело, но вместе с болью пришло странное облегчение. Словно камень, который она носила в груди всю жизнь, наконец упал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.